

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЗАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Отабек Жумаев

Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Термезского университета экономики и сервиса

Аннотация: Феномен традиционализма в литературном процессе представляет собой сложную систему, в которой национально-культурные и гендерные факторы оказываются неотъемлемыми элементами художественного моделирования действительности. Русская и узбекская литературные традиции формировались в условиях различной историко-культурной динамики, что обусловило как сходства, так и глубокие различия в репрезентации традиционных ценностей и гендерных идентичностей. В статье предпринята попытка сравнительного анализа этих двух направлений через призму традиционализма, понятийного кода, в котором закреплены устойчивые жанрово-тематические и стилистические элементы. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия фольклорной, религиозной и философской составляющей с механизмами формирования женских и мужских образов. Исследование выявляет, что традиционализм в обеих литературных культурах выступает не как архаичный рудимент, а как активная форма адаптации культурной памяти к условиям глобализированного мира. Гендерные модели в данном контексте приобретают функцию не только отражения, но и конструирования социальных ролей, что позволяет рассматривать литературный текст в качестве инструмента культурной трансляции. В русской литературе, как и в узбекской, традиционализм выполняет роль медиатора между исторической памятью и современным мировоззрением, обеспечивая преемственность духовных смыслов и национальной самобытности. Предложенный

сравнительно-сопоставительный анализ демонстрирует, что именно в традиционалистских структурах художественного текста наиболее ярко проявляется напряжение между коллективной культурной идентичностью и индивидуальными проявлениями гендерной субъектности.

Ключевые слова: Традиционализм, гендерная идентичность, русская литература, узбекская литература, культурная трансляция, национальные коды, фольклор, философия, женские и мужские образы, сопоставительный анализ.

TRADITIONALISM AND GENDER IDENTITY IN NATIONAL PROSE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND UZBEK LITERARY TRADITIONS

Otabek Jumayev

Lecturer at the department of russian language and literature

Termez university of economics and service

otabek_jumayev@tues.uz

Abstract: The phenomenon of traditionalism in the literary process represents a complex system in which national-cultural and gender factors serve as integral components of artistic modeling of reality. Russian and Uzbek literary traditions have developed under differing historical and cultural dynamics, which have resulted in both similarities and profound differences in the representation of traditional values and gender identities. This article attempts a comparative analysis of these two literary directions through the prism of traditionalism as a conceptual code embedding stable genre-thematic and stylistic elements. Particular attention is given to the interaction between folklore, religious, and philosophical aspects and the mechanisms of shaping male and female images. The study reveals that traditionalism in both literary cultures functions not as an archaic remnant, but as an active form of adapting cultural memory to the conditions of a globalized

world. In this context, gender models perform the function not only of reflection but also of constructing social roles, allowing literary texts to be viewed as instruments of cultural transmission. In both Russian and Uzbek literature, traditionalism acts as a mediator between historical memory and contemporary worldviews, ensuring the continuity of spiritual meanings and national identity. The proposed comparative analysis demonstrates that it is within the traditionalist structures of artistic texts that the tension between collective cultural identity and individual expressions of gender subjectivity is most vividly manifested.

Keywords: traditionalism, gender identity, Russian literature, Uzbek literature, cultural transmission, national codes, folklore, philosophy, male and female imagery, comparative analysis.

Актуальность: Современное гуманитарное знание все более настойчиво обращается к проблемам идентичности — как национальной, так и гендерной. Литература, являясь пространством культурной памяти и символической репрезентации социальных ролей, оказывается ключевым источником для осмысления процессов, происходящих на пересечении традиции и трансформации. Особенно значимо это для литературных традиций, сформированных в условиях прочной связи с религиозными, философскими и фольклорными основаниями — как это характерно для русской и узбекской прозы. Традиционализм, как устойчивое ядро литературного дискурса, становится своеобразным механизмом хранения культурного архива, где закреплены не только сюжеты и образы прошлого, но и модели поведения, моральные категории, представления о должном и допустимом. Актуальность темы настоящего исследования определяется необходимостью осмысления того, как в этих традиционалистских структурах формируются, закрепляются и интерпретируются гендерные роли, какие механизмы используются для трансляции нормативных моделей

женственности и мужественности, и как эти модели меняются под влиянием исторических, политических и культурных сдвигов.

Для современного этапа особенно важным становится сравнительно-сопоставительный подход, поскольку он позволяет увидеть, каким образом различные национальные литературные системы формируют свои уникальные модели гендерной идентичности, и в то же время какие универсальные механизмы действуют в этих процессах. Изучение традиционализма в контексте русской и узбекской прозы дает возможность не только выявить особенности каждой из литературных культур, но и определить общие закономерности функционирования традиции в условиях глобализации. В ситуации, когда границы культур все более размываются, возвращение к корневым, традиционным моделям приобретает значение не консервативного жеста, а акта культурного сопротивления и самосохранения. Именно в этом контексте исследование традиционализма и гендерной идентичности в литературе становится не только научной задачей, но и культурной миссией.

С позиции междисциплинарности наблюдается возрастающий интерес к пересечению литературоведения и гендерных исследований, в рамках которого художественный текст рассматривается как поле репрезентации и конструирования социальных ролей. Однако в отечественном и зарубежном литературоведении сравнительный анализ традиционалистских структур русской и узбекской прозы в контексте гендерного дискурса до сих пор остается фрагментарным. Отдельные аспекты освещаются в трудах социологов, культурологов, философов, но системного литературоведческого подхода, учитывающего национально-культурную специфику и глубинную поэтику жанровых форм, пока недостаточно. Таким образом, предпринятая попытка комплексного анализа взаимодействия традиционализма и гендерных моделей в двух национальных литературах отвечает актуальным

задачам развития гуманитарного знания, ориентированного на глубокое понимание механизмов культурной преемственности и трансформации идентичности в художественном тексте.

Материалы и методы: Исследование базируется на анализе произведений русской и узбекской прозы, в которых наиболее отчетливо проявляются традиционалистские черты и формируется национально-гендерный дискурс. В качестве основного корпуса рассматриваются художественные тексты, отражающие различные этапы развития литературных традиций обеих культур. В русской литературе внимание сосредоточено на произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.И. Солженицына, В.Г. Распутина и Е.Г. Водолазкина. Эти авторы различны по своей художественной манере, однако их объединяет ориентация на духовную проблематику, внимание к исторической памяти и обращение к образу женщины и мужчины как носителей культурных архетипов. В узбекской прозе исследование охватывает творчество Айбека, Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара, Эркина Азама и Мамадали Махмудова, где традиционные ценности и гендерные роли формируют устойчивую сюжетную и образную структуру.

Анализ художественного материала осуществлялся с опорой на методы, сочетающие как классические литературоведческие, так и современные гуманитарные подходы. Ключевым является метод сравнительно-сопоставительного анализа, позволяющий выявить как общие принципы функционирования традиционализма, так и уникальные национальные черты. Такой подход необходим в условиях параллельного рассмотрения русской и узбекской прозы, поскольку он обеспечивает корректную интерпретацию культурно обусловленных смыслов и символов. В рамках данного метода исследование фокусируется не на формальном сопоставлении тем и мотивов, а на более глубоком анализе поэтических

стратегий, репрезентирующих гендерные роли через призму культурной традиции.

Важную роль играет культурологический подход, который позволяет рассматривать литературные тексты как форму выражения коллективного сознания, отражающего систему ценностей и идеологических установок эпохи. Через этот подход исследование обнаруживает скрытые культурные коды, формирующие национально-гендерные модели. Гендерный анализ применяется как способ выявления стратегий репрезентации женских и мужских образов, включая их поведенческие, психологические и символические характеристики. В таком контексте гендерные модели интерпретируются не как биологически детерминированные роли, а как культурные конструкции, закрепленные в литературной традиции.

Для углубления анализа используется также структурно-семиотический метод, позволяющий расшифровать знаковую систему текста, выявить устойчивые мифологемы, символы и архетипы, отражающие традиционалистскую парадигму. Интертекстуальный подход служит для определения тех культурных и литературных аллюзий, которые создают эффект диалога между различными эпохами и художественными стилями. Таким образом, исследование основывается на комплексной методологии, в которой синтезируются литературоведческие, культурологические и гендерные инструменты анализа, обеспечивая целостное восприятие традиционализма как культурно-литературного феномена в контексте формирования гендерной идентичности.

Результаты исследования: Проведенное исследование позволило выявить, что традиционализм в русской и узбекской прозе выполняет многослойную функцию, связывая художественные формы с исторической памятью, религиозным сознанием и гендерными установками. Одним из

ключевых наблюдений стало то, что в обеих литературных традициях традиционализм не ограничивается сохранением архаичных жанров и форм, но активно участвует в моделировании новых идентичностей, адаптируя национальные культурные коды к социокультурным изменениям. Через анализ произведений классической и современной прозы удалось установить, что устойчивость традиционалистских структур обеспечивается за счет глубокой связи с национально-гендерным дискурсом, в котором закреплены определенные представления о женственности и мужественности.

В русской литературе традиционализм формирует целостную концепцию национального мира, в котором гендерные роли определяются через идеалы духовности, нравственного служения и общественного долга. Женские образы в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына символизируют не только материнство и жертвенность, но и внутреннюю стойкость, религиозную чистоту, способность к нравственному подвигу. Мужские персонажи в этих текстах выступают носителями экзистенциального поиска, сомнений, философской рефлексии, что придает их образам трагическую сложность. Таким образом, гендерные конструкции в русской традиционалистской прозе неразрывно связаны с национальной духовной миссией, отсылающей к христианской традиции и моральной философии.

Узбекская проза, напротив, строит свою традиционалистскую модель на фундаменте восточной этики, коллективизма и исламских представлений о социальной гармонии. Женские образы здесь воплощают устойчивость семейного уклада, мудрость, скромность и преданность, а мужские персонажи олицетворяют честь, достоинство и общественную ответственность. В произведениях Айбека, Гафура Гуляма и Абдуллы Каххара прослеживается тенденция к сохранению архаичных форм, в которых гендерные роли подчинены патриархальному порядку. Вместе с тем,

в современной прозе Эркина Азама и Мамадали Махмудова наблюдается смещение акцентов: образы женщин становятся более самостоятельными, а мужские персонажи теряют свою однозначность, обретая черты внутреннего сомнения и поиска смысла в меняющемся мире. Это свидетельствует о процессе трансформации традиционных моделей под влиянием социальной модернизации и глобального культурного давления.

Особый интерес представляет то, каким образом в обеих литературных традициях осуществляется сопряжение фольклорного наследия с современными формами повествования. В русской прозе традиционализм опирается на сказовые структуры, житийную литературу и символику православия, встраивая их в реалистическое или философское повествование. Это позволяет не только сохранять духовные архетипы, но и придавать им современное звучание. У Е. Водолазкина, например, библейские и хронографические мотивы сочетаются с постмодернистским осмыслением истории и культуры. В узбекской литературе функция фольклора осуществляется через дастаны, легенды, поэтические метафоры и ритмическую структуру речи, которые интегрируются в повествование даже в урбанистических сюжетах, создавая эффект глубинной культурной преемственности. Через такие элементы традиционализм сохраняет легитимность в литературном процессе и становится неотъемлемой частью художественного мышления.

Результаты анализа также показали, что традиционализм, несмотря на свою устойчивость, является динамической категорией, способной к внутренней рефлексии. В постсоветской русской литературе образы мужчин и женщин все чаще лишаются прежней идеализации. Женщина перестает быть исключительно хранительницей очага, мужчина — непререкаемым носителем истины. Такие трансформации заметны в произведениях Захара Прилепина и Алексея Варламова, где герои оказываются в ситуации

нравственного кризиса, утраты ориентиров, но при этом пытаются опереться на традиционные ценности. В современной узбекской прозе аналогичные процессы выражаются в стремлении пересмотреть гендерные роли в контексте городской модернизации, миграции, экономической нестабильности. Это приводит к тому, что традиционализм в узбекской литературе начинает не только защищать прошлое, но и приспосабливаться к новым условиям, открывая пространство для диалога между поколениями и культурами.

Сравнительный анализ выявил также различия в механизмах гендерной репрезентации. В русской традиции преобладает экзистенциально-философская модель, в которой гендерные роли связаны с нравственным выбором и метафизическими поисками. В узбекской — превалирует социально-этическая модель, подчеркивающая согласие личности с коллективными нормами и религиозным порядком. Тем не менее, в обеих культурах наблюдается стремление сохранить идентичность через обращение к традиционным сюжетам, символам и жанровым формам, что придает литературе статус посредника между прошлым и настоящим.

Результаты исследования: Проведенное исследование позволило выявить, что традиционализм в русской и узбекской прозе выполняет многослойную функцию, связывая художественные формы с исторической памятью, религиозным сознанием и гендерными установками. Одним из ключевых наблюдений стало то, что в обеих литературных традициях традиционализм не ограничивается сохранением архаичных жанров и форм, но активно участвует в моделировании новых идентичностей, адаптируя национальные культурные коды к социокультурным изменениям. Через анализ произведений классической и современной прозы удалось установить, что устойчивость традиционалистских структур обеспечивается за счет

глубокой связи с национально-гендерным дискурсом, в котором закреплены определенные представления о женственности и мужественности.

В русской литературе традиционализм формирует целостную концепцию национального мира, в котором гендерные роли определяются через идеалы духовности, нравственного служения и общественного долга. Женские образы в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына символизируют не только материнство и жертвенность, но и внутреннюю стойкость, религиозную чистоту, способность к нравственному подвигу. Мужские персонажи в этих текстах выступают носителями экзистенциального поиска, сомнений, философской рефлексии, что придает их образам трагическую сложность. Таким образом, гендерные конструкции в русской традиционалистской прозе неразрывно связаны с национальной духовной миссией, отсылающей к христианской традиции и моральной философии.

Узбекская проза, напротив, строит свою традиционалистскую модель на фундаменте восточной этики, коллективизма и исламских представлений о социальной гармонии. Женские образы здесь воплощают устойчивость семейного уклада, мудрость, скромность и преданность, а мужские персонажи олицетворяют честь, достоинство и общественную ответственность. В произведениях Айбека, Гафура Гуляма и Абдуллы Каххара прослеживается тенденция к сохранению архаичных форм, в которых гендерные роли подчинены патриархальному порядку. Вместе с тем, в современной прозе Эркина Азама и Мамадали Махмудова наблюдается смещение акцентов: образы женщин становятся более самостоятельными, а мужские персонажи теряют свою однозначность, обретая черты внутреннего сомнения и поиска смысла в меняющемся мире. Это свидетельствует о процессе трансформации традиционных моделей под влиянием социальной модернизации и глобального культурного давления.

Особый интерес представляет то, каким образом в обеих литературных традициях осуществляется сопряжение фольклорного наследия с современными формами повествования. В русской прозе традиционализм опирается на сказовые структуры, житийную литературу и символику православия, встраивая их в реалистическое или философское повествование. Это позволяет не только сохранять духовные архетипы, но и придавать им современное звучание. У Е. Водолазкина, например, библейские и хронографические мотивы сочетаются с постмодернистским осмыслением истории и культуры. В узбекской литературе функция фольклора осуществляется через дастаны, легенды, поэтические метафоры и ритмическую структуру речи, которые интегрируются в повествование даже в урбанистических сюжетах, создавая эффект глубинной культурной преемственности. Через такие элементы традиционализм сохраняет легитимность в литературном процессе и становится неотъемлемой частью художественного мышления.

Результаты анализа также показали, что традиционализм, несмотря на свою устойчивость, является динамической категорией, способной к внутренней рефлексии. В постсоветской русской литературе образы мужчин и женщин все чаще лишаются прежней идеализации. Женщина перестает быть исключительно хранительницей очага, мужчина — непререкаемым носителем истины. Такие трансформации заметны в произведениях Захара Прилепина и Алексея Варламова, где герои оказываются в ситуации нравственного кризиса, утраты ориентиров, но при этом пытаются опереться на традиционные ценности. В современной узбекской прозе аналогичные процессы выражаются в стремлении пересмотреть гендерные роли в контексте городской модернизации, миграции, экономической нестабильности. Это приводит к тому, что традиционализм в узбекской литературе начинает не только защищать прошлое, но и приспосабливаться к

новым условиям, открывая пространство для диалога между поколениями и культурами.

Сравнительный анализ выявил также различия в механизмах гендерной репрезентации. В русской традиции преобладает экзистенциально-философская модель, в которой гендерные роли связаны с нравственным выбором и метафизическими поисками. В узбекской — превалирует социально-этическая модель, подчеркивающая согласие личности с коллективными нормами и религиозным порядком. Тем не менее, в обеих культурах наблюдается стремление сохранить идентичность через обращение к традиционным сюжетам, символам и жанровым формам, что придает литературе статус посредника между прошлым и настоящим.

Выводы: Проведенное исследование позволило установить, что традиционализм в русской и узбекской литературе функционирует не как архаичная или изолированная система, а как активный механизм, обеспечивающий культурную преемственность и устойчивость национальных идентичностей в условиях глобализации. Он объединяет в себе жанровые и стилистические элементы, корнящиеся в фольклоре, религиозных традициях и философских представлениях, и при этом адаптируется к изменяющимся социальным и культурным реалиям. В контексте литературного процесса традиционализм проявляется как форма исторической и культурной памяти, актуализирующая представления о должном, идеальном и подлинном, в том числе в аспекте гендерной репрезентации.

Гендерные модели, зафиксированные в русской и узбекской традиционалистской прозе, представляют собой устойчивые конструкты, формирующие представления о женственности и мужественности, которые, несмотря на внешнюю стабильность, демонстрируют внутреннюю

подвижность. Женские и мужские образы в обоих национальных контекстах не только отражают, но и формируют культурные нормы, влияя на общественное сознание и трансляцию социального опыта. Русская литература акцентирует философско-экзистенциальную глубину гендерных ролей, делая женщину нравственным ориентиром, а мужчину носителем духовного поиска. Узбекская проза, в свою очередь, воплощает традиционные представления о социальной гармонии, придавая гендерным образам функцию стабилизации общественного и семейного порядка.

В процессе сравнительно-сопоставительного анализа выявлено, что в обеих культурах традиционализм формирует особое культурное пространство, в котором художественный текст выполняет не только эстетическую, но и социокультурную функцию. Он структурирует память народа, вплетая личные истории героев в коллективную судьбу нации, и в то же время формирует новые модели идентичности, отвечающие вызовам современности. Именно эта двойственность — способность сохранять и одновременно переосмысливать — делает традиционализм одним из ключевых компонентов национальной литературы и важнейшим объектом научного анализа.

Традиционализм в русской и узбекской литературе выступает как текстуализированная форма культурного диалога между прошлым и настоящим, в которой гендерные роли становятся не просто отражением социальной структуры, но способом осмысления базовых ценностей. Установленные в ходе исследования закономерности позволяют утверждать, что традиционализм сохраняет актуальность и в современном литературном дискурсе, выступая как универсальный способ выражения национальной специфики через художественные формы. Его изучение способствует углублению понимания культурной самобытности, расширению методологических подходов в литературоведении и открывает новые

перспективы для осмысления гендерной проблематики в национальном контексте.

Список использованной литературы:

1. Афанасьев А. С. Русская литература и народная традиция. — М.: Наука, 2017.
2. Ахмед Лейла. Женщины и гендер в исламе: исторический взгляд. — Кембридж: Yale University Press, 1992.
3. Алимов С. Лингвокультурные аспекты гендера в узбекской прозе. — Ташкент: Фан, 2020.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986.
5. Бенедикт Андерсон. Воображаемые сообщества. — М.: Канон+, 2006.
6. Братусь А. А. Гендер и личность: психологический аспект. — М.: Наука, 2020.
7. Водолазкин Е. Г. Лавр. — М.: АСТ, 2012.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. — М.: Советский писатель, 1988.
9. Гафур Гулям. Выбор. Повести и рассказы. — Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1975.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — СПб.: Азбука, 2020.
11. Иванова Е. В. Гендерные роли в русской литературе XIX–XX веков. — М.: Логос, 2018.
12. Канашкин А. В. Традиционализм как литературный феномен. — Казань: Казанский университет, 2017.
13. Караев И. Х. Узбекская проза XX века: образы и смыслы. — Ташкент: Фан, 2021.
14. Каримов Г. Гендер в узбекской литературе: трансформация образов. — Самарканд: Ziyo, 2023.

- 15.Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Академия, 1983.
- 16.Мамадали М. Современная узбекская проза. — Ташкент: Akademnashr, 2023.
- 17.Навои А. Хамса. — Ташкент: Фан, 1980.
- 18.Прилепин З. Обитель. — М.: Время, 2014.
- 19.Радченко В. И. Гендерные конструкции в русской прозе XX века. — М.: Литера, 2019.
- 20.Смирнов А. В. Жанровая структура традиционализма. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2019.